

— • —

Тепло чужого солнца

— • —

РОМАН

*от Майами до Тосканы —
история одной любви*

18+

Yazar Kitap

Тепло чужого солнца

«Автор»

2026

Kitap Y.

Тепло чужого солнца / Y. Kitap — «Автор», 2026

Джейн Эмилинг одиннадцать лет разбирает чужие страховые случаи и ни разу не позволяла себе настоящего отпуска. Панические атаки давно стали её тайным спутником, а жизнь — расписанной по минутам рутиной. Но один невозвратный билет в Майами меняет всё. На курорте она встречается мужчину, который чинит кондиционеры и говорит о солнце в крови, — а оказывается наследником строительной империи, скрывавшим правду о себе. Обман, за которым стоит нечто более настоящее, чем ложь. Три года отношений на два континента. Свадьба под тосканским небом. Ревнивая бывшая жена, готовая на всё, лишь бы разрушить это счастье. И огромный вопрос: можно ли построить дом — настоящий, надёжный — с человеком, который начал с обмана? «Тепло чужого солнца» — роман о том, что смелость любить сильнее любого страха.

© Kitap Y., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. МАЙАМИ	5
Глава 1	5
Глава 1А	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	16
Глава 7	17
Глава 8	18
Глава 8А	20
Глава 9	22
Глава 10	23
Глава 11	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Yazar Kitar

Тепло чужого солнца

ЧАСТЬ I. МАЙАМИ

Глава 1

Будильник зазвонил в шесть четырнадцать — на одну минуту раньше, чем обычно, потому что вчера вечером Джейн Эмилинг, как всегда, переставила его на минуту раньше, будто эта единственная минута могла что-то изменить в структуре её дня.

Она открыла глаза за секунду до сигнала — привычка, выработанная годами, — и лежала неподвижно, слушая, как за окном гроыхает мусоровоз, а где-то этажом ниже хлопает дверь лифта. В комнате пахло лавандовым спреем для подушек, который она купила по совету психотерапевта: «Запахи помогают телу понять, что оно в безопасности». Тело слушало плохо.

Уолнат, её пятилетний корги с ушами, вечно торчащими в разные стороны, как антенны плохо настроенного радио, поднял голову с коврика у кровати и посмотрел на неё с укором, который безошибочно читался как: «Ты снова проснулась раньше меня, и это неприлично».

— Доброе утро, — сказала она ему вслух, потому что говорить с собакой по утрам было единственным разговором, который не требовал от неё никакой энергии на подготовку.

Она встала, включила кофеварку, проверила почту раньше, чем почистила зубы, — тридцать два новых письма, из них четыре срочных: клиент из Огайо оспаривал сумму выплаты по затопленному подвалу, коллега просил пересчитать резерв по делу о пожаре в Кливленде, начальник напоминал про дедлайн по квартальному отчёту, а от сестры пришло сообщение с одним словом: «Как ты?»

Джейн не ответила ни на одно из четырёх. Вместо этого она сделала то, что делала каждое утро вот уже три года: положила руку на грудь, посчитала до четырёх на вдохе, до семи — задержка, до восьми — выдох. Дыхание 4-7-8. Доктор Финкельштейн называла это «якорем». Джейн называла это про себя «репетицией нормальности».

Сегодня якорь не понадобился. Сегодня был обычный вторник, каких за последние три года набралось, наверное, около полутора тысяч, и ни один из них не начинался с того резкого, ледяного ощущения в груди, которое Джейн про себя называла просто «оно».

«Оно» пришло не сегодня. «Оно» пришло вчера, на парковке офиса, в четыре сорок вечера, когда она возвращалась с обеденного перерыва длиной в семь минут и вдруг поняла, что не может вспомнить, заперла ли машину. Это было настолько незначительно, настолько глупо, что весь остаток дня она чувствовала себя обманщицей — как будто украла у себя право на панику, потому что повод был слишком мелким.

Но тело не спрашивает разрешения. Сердце разогналось до ста сорока, ладони стали влажными, а по позвоночнику пробежала волна ужаса, будто она стояла не на асфальте, а на краю крыши. Она успела сесть в машину, включить дыхание 4-7-8, и через восемь минут — она засекала — всё прошло. Осталась только усталость и лёгкий привкус меди во рту, будто она разгрызла батарейку.

Три года назад, когда это началось, она думала, что умирает. Сейчас она знала: не умирает. Знание не отменяло страха, но делало его короче.

— Мы почти собрались, — сказала она Уолнату, доставая с антресоли чемодан, который не открывала два с половиной года.

Отпуск. Слово, которое звучало странно на языке, слишком гладко, как будто она проносила его на иностранном языке. Джейн Эмилинг, тридцать четыре года, старший специалист по урегулированию убытков в страховой компании «Мидвест Иншуранс Групп», не брала отпуск дольше трёх дней с тех пор, как рассталась с Тревором. С тех пор, как случилась первая паническая атака в переговорной, во время презентации перед региональным директором, когда ей вдруг показалось, что стены сдвигаются, а воздух в комнате кончился, и она, не договорив фразу, вышла — вышла молча, оставив пятнадцать человек и слайд с диаграммой на экране.

После этого она стала бояться не самой паники, а того, что паника случится на людях. И чем больше боялась, тем меньше позволяла себе оказываться в ситуациях, где спрятаться было бы негде. Отпуск был такой ситуацией. Самолёт был такой ситуацией. Незнакомый город, полный незнакомых людей, был такой ситуацией, возведённой в квадрат.

И всё же билет был куплен. Оплачен полностью, без возможности возврата — она специально выбрала невозвратный тариф, чтобы у неё не осталось лазейки для отступления. Семь дней. Майами. Отель на берегу, с видом на океан, который она выбирала два часа, читая отзывы, будто от качества подушек в номере зависела её жизнь.

— Доктор Финкельштейн сказала, что мне нужно расширять зону комфорта, — сказала она Уолнату, складывая купальник, который купила месяц назад и ни разу не примеряла. — А ты останешься у Мэгги. Она обещала присылать фотографии.

Уолнат заворчал — тихо, философски, как будто был не согласен с самой концепцией расширения зоны комфорта.

Джейн его понимала. Она тоже была не согласна. Но билет был куплен.

Глава 1А

Корни тревожности Джейн уходили глубже, чем три года, прошедшие с той злополучной презентации в переговорной, — хотя именно тот эпизод стал моментом, когда смутное, фоновое беспокойство, преследовавшее её с юности, наконец выкристаллизовалось в полноценные панические атаки.

Отец Джейн, Роберт Эмилинг, инженер-строитель на пенсии, умер от внезапного сердечного приступа, когда ей было двадцать шесть, — умер за рулём собственной машины, возвращаясь с работы, всего в квартале от дома, где его нашли прохожие спустя considerable время после того, как машина, к счастью, остановившаяся на светофоре, простояла там несколько циклов сигнала, вызвав подозрение у соседа.

Смерть отца, внезапная и абсолютно непредсказуемая — Роберт был, по всем меркам, здоровым для своего возраста мужчиной, регулярно проходившим медицинские осмотры, — разрушила ту иллюзию контролируемости мира, которую многие люди носят с собой всю жизнь, даже не осознавая этого, пока реальность жестоко не докажет обратное.

— Если это может случиться с папой, без предупреждения, посреди обычного вторника, — сказала Джейн однажды сестре Кейт, спустя месяц после похорон, — то что мешает этому случиться со мной? Или с тобой? Как вообще люди живут, зная, что в любой момент всё может закончиться просто так, без причины?

Кейт, справлявшаяся с горем иначе — через активность, через организацию, через контроль над практическими деталями похорон и наследства, — не сразу распознала в словах сестры первые ростки того, что впоследствии перерастёт в полноценное тревожное расстройство, списав их на естественную стадию горевания, которая, как она наивно полагала, пройдёт со временем.

Но тревога Джейн не прошла — она затаилась, приглушённая рутиной повседневной жизни, продвижением по карьерной лестнице, отношениями с Тревором, начавшимися вскоре после похорон и, возможно, отчасти мотивированными неосознанным желанием заполнить образовавшуюся после смерти отца пустоту чувством стабильности и защищённости. Тревога ждала своего часа, копилась под поверхностью благополучной, на первый взгляд, жизни, пока не прорвалась в тот день в переговорной, спровоцированная, как позже поняла Джейн вместе с доктором Финкельштейн, не столько давлением самой презентации, сколько подсознательным страхом потерять контроль на глазах у людей — страхом, корнящимся именно в том беспомощном ощущении, которое она испытала, узнав о смерти отца, произошедшей вне её контроля, вне предупреждения, вне какой-либо возможности предотвратить или подготовиться.

— Панические атаки часто маскируют более глубокую, непроработанную скорбь, — объяснила ей доктор Финкельштейн на одной из первых сессий терапии, куда Джейн обратилась спустя год после начала симптомов, отчаявшись справляться самостоятельно. — Ваше тело хранит память о той беспомощности перед лицом внезапной потери куда дольше, чем ваш сознательный разум готов признать.

Работа с этим глубинным горем, а не просто с симптомами тревожности, стала центральной частью терапии Джейн на протяжении последующих лет — процесс, включавший не только дыхательные техники и когнитивную реструктуризацию, но и полноценное оплакивание отца, которое она, по собственному признанию, поспешила «пережить» слишком быстро сразу после похорон, торопясь вернуться к нормальной жизни вместо того, чтобы дать себе достаточно времени и пространства для настоящего горя.

Именно эта непроработанная связь между внезапной потерей и ощущением полной беспомощности перед непредсказуемостью жизни объясняла, почему решение поехать в отпуск в Майами далось Джейн с таким трудом три года спустя: путешествие в неизвестность, вдали

от привычного контроля над окружением, было для её подсознания эквивалентно повторному переживанию той самой беспомощности, что она испытала, узнав о смерти отца.

И именно поэтому, хотя Джейн сама тогда этого до конца не осознавала, встреча с Дарио — человеком, который, при всём своём первоначальном обмане, показал ей, что можно доверять неизвестности, можно позволить себе уязвимость перед непредсказуемым будущим и при этом не разрушиться, — стала для неё не просто романтическим приключением, а глубоко терапевтическим опытом, помогающим наконец интегрировать давнюю, непроработанную потерю в более широкую, принимающую картину жизни, где неопределённость перестаёт быть исключительно источником угрозы.

Глава 2

Аэропорт О'Хара встретил её тем особым видом хаоса, который в обычный день заставил бы её сердце застучать быстрее задолго до посадочного контроля. Но в это утро — плотное, серое, пахнущее кофе из «Старбакса» и чужими духами — Джейн неожиданно для себя чувствовала не панику, а странное, почти клиническое любопытство к самой себе: вот она стоит в очереди на досмотр, вот у неё немного трясутся руки, но пульс — она незаметно проверила его на запястье — держится в пределах девяноста, что для неё было почти рекордом спокойствия.

«Может быть, дело в том, что я приняла решение раньше, чем страх успел его отговорить», — подумала она, вспоминая слова доктора Финкельштейн о том, что тревога питается неопределённостью, а конкретное действие часто лишает её пищи.

Самолёт до Майами взлетел по расписанию. Джейн сидела у окна, зажав в руке маленький пузырёк с эфирным маслом лаванды — подарок сестры, — и смотрела, как земля внизу превращается в лоскутное одеяло из ферм и дорог, а потом исчезает совсем, сменяясь бескрайней синевой.

Три часа спустя, когда самолёт пошёл на снижение и в иллюминаторе показалась узкая полоска суши, окружённая невероятным, почти неправдоподобным бирюзовым цветом, у Джейн внутри что-то шевельнулось — не паника, а что-то другое. Похожее на предвкушение. Она не помнила, когда испытывала его в последний раз.

Отель «Пальметто Бэй Резорт энд Спа» располагался на Кей-Бискейн, в стороне от шумного центра Саут-Бич, — Джейн специально выбирала место потише, понимая, что толпы туристов и грохочущая ночная жизнь станут для неё не отдыхом, а испытанием. Здание отеля было выкрашено в мягкий кремовый цвет с бирюзовыми ставнями, в стиле ар-деко, с террасами, увитыми бугенвиллией, и с видом на океан, от которого у Джейн, стоило ей выйти из такси, перехватило дыхание — на этот раз не от страха.

— Добро пожаловать в Майами, мисс Эмилинг, — сказала девушка на ресепшене с улыбкой, которая казалась настолько искренней, что Джейн на мгновение растерялась, не зная, как на неё реагировать. В Чикаго так не улыбались.

Номер оказался именно таким, каким она его представляла по фотографиям, — и всё же реальность превзошла ожидания: белые шторы колыхались от океанского бриза, балкон выходил прямо на пляж, а в воздухе стоял запах соли и чего-то цветочного, кажется, франжипани.

Джейн поставила чемодан, подошла к окну и долго стояла, глядя на воду.

«Оно» пришло вечером, без предупреждения, как приходило всегда.

Она сидела на балконе, пила вино из мини-бара — красное, слишком тёплое, потому что забыла попросить лёд, — и вдруг, без всякой видимой причины, ощутила, как грудь сжимается в тиски. Сердце подскочило. По коже пробежал холод, хотя воздух был тёплым, влажным, тропическим. Мысль пришла резко, уродливо, из ниоткуда: «Ты одна. Ты за тысячу шестьсот километров от дома, в чужом городе, и если сейчас что-то случится — по-настоящему случится, — никто не узнает часами».

Джейн поставила бокал, руки дрожали так, что вино чуть не пролилось. Она заставила себя сесть на пол — так учила её доктор Финкельштейн: снизить центр тяжести, почувствовать опору. Спина к прохладной стене балкона, ступни плотно на плитке.

Четыре — вдох.

Семь — задержка.

Восемь — выдох.

Она повторила цикл шесть раз. На седьмом сердце начало успокаиваться, будто нехотя, будто до последнего сомневалось, стоит ли ему подчиняться.

— Ты в порядке, — прошептала она себе, чувствуя себя невыносимо глупо оттого, что говорит это вслух, на балконе роскошного отеля, куда прилетела за пять тысяч километров, чтобы наконец отдохнуть. — Ты в порядке. Это просто тело. Оно ошибается. Ты в порядке.

Когда паника отступила окончательно, оставив после себя привычную опустошённость, Джейн подняла глаза и увидела, что где-то на крыше соседнего корпуса отеля — того, что выходил окнами на служебный двор, — горит рабочий фонарь, и в его свете движется силуэт мужчины, склонившегося над каким-то громоздким металлическим ящиком.

Она смотрела на этот силуэт минут пять, просто потому что он был единственным движущимся объектом в неподвижном тропическом вечере, а её мозгу, вымотанному только что пережитой атакой, нужна была любая точка опоры, кроме собственных мыслей.

Мужчина выпрямился, потянулся, вытер руки о тряпку, заткнутую за пояс, и, кажется, засмеялся — чему-то своему, — а потом, будто почувствовав взгляд, посмотрел в сторону её балкона.

Джейн быстро отвела глаза, чувствуя, как краснеет, хотя расстояние между ними было приличным и он вряд ли мог разглядеть выражение её лица.

Через минуту она нашла в себе силы снова взглянуть в его сторону. Он уже вернулся к работе.

Глава 3

Утро встретило её ярким солнцем, пробивающимся сквозь занавески, и неожиданно лёгким чувством в теле — таким лёгким, что Джейн несколько секунд лежала, пытаясь понять, что изменилось. Потом поняла: впервые за долгое время она не проснулась от того, что мозг уже прокручивал список тревог на день. Список был пуст. Впереди был только океан.

Завтрак подавали на террасе — свежие манго, папайя, кофе с оттенком корицы, который здесь, кажется, варили как-то иначе, чем дома. Джейн заказала себе всё, что хотела, без единой мысли о калориях, что само по себе было маленькой победой.

Она провела утро на пляже, читая книгу, которую купила в аэропорту и до сих пор не открывала, — любовный роман с обложкой, украшенной пальмами и закатом, — и то и дело поглядывала на океан, поражаясь тому, как быстро тело привыкает к красоте, если дать ему шанс.

К обеду в номере что-то случилось с кондиционером.

Сначала он просто загудел громче обычного, потом стал издавать звук, похожий на кашель астматика, а к трём часам дня перестал охлаждать вовсе, превратившись в источник тёплого, влажного воздуха — совершенно бесполезного в климате, где на улице было тридцать три градуса.

Джейн позвонила на ресепшен, и через двадцать минут в дверь постучали.

— Служба обслуживания, — раздался голос из-за двери, с лёгким, но отчётливым акцентом, который она не сразу смогла определить — то ли итальянский, то ли что-то средневропейское.

Она открыла дверь и увидела мужчину лет тридцати восьми, в форменной рубашке поло цвета хаки с логотипом отеля, с ящиком инструментов в руке и с лицом, которое заставило её на долю секунды забыть, зачем она вообще открыла дверь.

Тёмные, чуть выующиеся волосы, тронутые сединой на висках. Загорелая кожа, обветренная, будто он проводил на солнце куда больше времени, чем полагается обычному техническому специалисту. Глаза — светло-карие, почти янтарные, с морщинками в уголках, свидетельствующими о частом смехе. Он был высоким, широкоплечим, с руками, покрытыми мелкими шрамами и мозолями, — руками человека, который действительно работает физически, а не просто изображает это для фотографии в резюме.

— Проблема с кондиционером, синьора? — спросил он, слегка склонив голову.

— Мисс, — зачем-то поправила Джейн, тут же почувствовав себя глупо. — Да. Он перестал работать примерно час назад.

— Позвольте, — он вошёл в номер с той непринуждённостью, с какой люди входят в места, где чувствуют себя уверенно, и направился прямо к кондиционеру под окном, даже не спросив, где он находится.

Джейн стояла в стороне, наблюдая, как он открывает панель, достаёт из ящика небольшой фонарик и начинает изучать внутренности агрегата с сосредоточенностью хирурга.

— Как вас зовут? — спросила она, просто чтобы заполнить тишину.

— Дарио, — ответил он, не отрываясь от работы. — А вас?

— Джейн.

— Джейн, — повторил он, и в его произношении её собственное имя прозвучало непривычно, с лёгким смягчением согласной, будто он пробовал его на вкус. — Красивое имя. Простое и красивое.

— Спасибо, — сказала она, чувствуя, что краснеет во второй раз за последние сутки из-за совершенно незнакомого мужчины, и мысленно отругала себя за это.

— Откуда вы, Дарио? — спросила она, отчасти из вежливости, отчасти из настоящего любопытства. — Акцент не совсем американский.

Он на секунду замер, будто взвешивая, что ответить, а потом улыбнулся — широко, открыто, с теми самыми морщинками у глаз.

— Издалека, — сказал он уклончиво. — Скажем так: солнце в моей крови южное, а порядок в голове — северный. Вот такая я смесь.

— Загадочно, — заметила Джейн.

— Мне нравится быть немного загадочным, — ответил он, подмигнув, и вернулся к работе.

Через двадцать минут кондиционер снова заработал, наполнив комнату прохладным воздухом с тихим, ровным гулом.

— Готово, — сказал Дарио, закрывая панель и вытирая руки о тряпку. — Компрессор был засорён. Обычная история для номеров с видом на океан — соль в воздухе делает своё дело.

— Спасибо огромное, — сказала Джейн. — Я думала, придётся провести отпуск, обливаясь потом.

— Это было бы преступлением, — сказал он серьёзно, — оставить такую красивую женщину без прохлады во время отпуска. Я бы этого не допустил.

Джейн не нашлась, что ответить, и просто улыбнулась, глядя, как он собирает инструменты в ящик.

— Если снова возникнут проблемы — с кондиционером или чем-то ещё, — сказал он у двери, — спросите Дарио на ресепшен. Я почти всегда где-то рядом.

— Учту, — сказала она.

Когда дверь за ним закрылась, Джейн ещё несколько минут стояла посреди прохладной комнаты, чувствуя себя странно — будто с ней случилось что-то важное, хотя формально не случилось ничего, кроме починки кондиционера.

Глава 4

Она увидела его снова на следующий день, случайно, у бассейна — он нёс через плечо моток проводов и, заметив её, лежащую в шезлонге с книгой, свернул с прямого пути и подошёл.

— Мисс Джейн, — сказал он с притворной официальностью, — как ваш кондиционер? Держится?

— Держится, — ответила она, откладывая книгу. — Работает идеально. Вы хороший специалист.

— Один из лучших, — сказал он без всякой ложной скромности, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на смех над собственными словами. — Что читаете?

Она показала обложку — пальмы, закат, пара, обнимающаяся на фоне океана.

— Ах, — протянул он с притворным разочарованием. — Значит, у меня есть конкуренты. Итальянские жиголо с обложек книг, которые крадут сердца американских туристок.

— Он не итальянец, — засмеялась Джейн, взглянув на обложку внимательнее. — По моему, шотландец. У него килт на второй странице.

— Ещё хуже, — сказал Дарио, садясь на край соседнего шезлонга без приглашения, но с такой естественной непринуждённостью, что Джейн не почувствовала в этом наглости. — Шотландцы забирают себе всех интересных женщин, а нам, итальянцам, остаётся только чинить кондиционеры и мечтать.

— Так вы всё-таки итальянец, — заметила она. — Вчера вы были загадочны на этот счёт.

— Наполовину, — признал он. — Отец — из Тосканы. Мать — немка, из Мюнхена. Я — результат странного эксперимента: солнце и порядок в одном человеке. Обычно они конфликтуют. Иногда побеждает солнце, — он широко улыбнулся, — иногда порядок побеждает солнце, и тогда я скучный.

— Сегодня, кажется, побеждает солнце, — заметила Джейн, чувствуя, как у неё самой на лице расплывается улыбка, которую она не планировала.

— Сегодня прекрасный день, — согласился он, глядя не на океан, а на неё. — Как вы находите Майами, Джейн? Первый раз здесь?

— Первый, — сказала она. — Честно говоря, я боялась ехать.

Она сама удивилась, что сказала это вслух — совершенно незнакомому человеку, техническому специалисту отеля, которого знала два дня. Но в его лице было что-то, что располагало к откровенности — отсутствие спешки, полное внимание, как будто в мире не было ничего важнее, чем то, что она сейчас скажет.

— Боялись? Почему? — спросил он, и вопрос прозвучал без насмешки, только с искренним интересом.

— Долгая история, — уклонилась она. — Скажем так, я не очень люблю неизвестность.

— А, — кивнул он, будто это многое объясняло. — Тогда вам повезло, что вы встретили меня. Я специалист по превращению неизвестности в кондиционированную прохладу.

Джейн засмеялась — искренне, из живота, так, как не смеялась уже давно.

— У вас, кажется, ответ на всё готов, — сказала она.

— Не на всё, — возразил он, вставая и закидывая моток проводов обратно на плечо. — Но я работаю над этим. Увидимся, Джейн из книги про шотландцев.

Он ушёл, оставив её с книгой, которую она больше не открывала в тот день, потому что мысли упрямо возвращались к его лицу, его смеху, его манере смотреть так, будто она была единственным человеком на всём пляже.

Вечером, лёжа в постели, Джейн поймала себя на том, что впервые за три года не думает о работе, о панических атаках, о списке дел, оставшемся дома. Она думала о человеке, который чинит кондиционеры и говорит о солнце в крови.

«Это просто отпускной флирт, — сказала она себе строго. — Через пять дней ты улетишь домой, и это никогда не повторится».

Она в это почти поверила.

Глава 5

Следующие три дня превратились в череду случайных — или не совсем случайных, как она подозревала, — встреч. Дарио появлялся то у бассейна, то в баре на террасе, то на пляже, всегда с каким-нибудь предлогом: проверить освещение, заменить лампочку в беседке, отнести полотенца. Джейн начала замечать, что эти предлоги становились всё менее убедительными, а его визиты — всё более частыми.

На четвёртый день он предложил показать ей место, «которое туристы не знают» — маленький пляж в стороне от отеля, скрытый за мангровыми зарослями, куда вела едва заметная тропинка.

— Это не опасно? — спросила она, когда они шли по узкой дорожке, а вокруг гудели цикады и пахло тёплой землёй и солью.

— Опасно только для тех, кто боится тишины, — ответил он, отводя в сторону ветку, чтобы она могла пройти. — Здесь нет музыки из динамиков, нет продавцов коктейлей с зонтиками. Только океан и ты.

Пляж оказался крошечным, полукруглым, с белоснежным песком и водой такого прозрачного бирюзового цвета, что казалось, будто кто-то раскрасил её акварелью.

— Как вы нашли это место? — спросила Джейн, снимая сандалии и позволяя тёплому песку просыпаться между пальцами.

— Я много лет провожу здесь время, — сказал он, и в его голосе на секунду прозвучало что-то, похожее на грусть, которую он тут же спрятал за улыбкой. — Знаю каждый уголок этого побережья.

Они сидели на песке, и Джейн, к собственному удивлению, обнаружила, что рассказывает ему о своей жизни — о работе в страховой компании, о рутине, о Уолнате, который наверняка сейчас грустит без неё где-то в Чикаго.

Она не рассказала о панических атаках. Пока не рассказала.

— А вы? — спросила она. — Расскажите о себе. Настоящем Дарио, а не о том, что чинит кондиционеры и флиртует с туристками.

Что-то мелькнуло в его лице — быстрая тень, которую он тут же прогнал смехом.

— Настоящий Дарио скучнее, чем вам кажется, — сказал он. — Работает руками, любит море, ненавидит галстуки. Вот и вся история.

— Мне не кажется, что вы скучный, — заметила она тихо.

Он посмотрел на неё долгим взглядом, и на мгновение ей показалось, что он хочет сказать что-то ещё, что-то важное, но вместо этого он просто улыбнулся и предложил искупаться.

Вода оказалась тёплой, как парное молоко, и Джейн, стоя по пояс в океане рядом с этим полужнакомым мужчиной, вдруг подумала, что впервые за много лет её тело молчит. Ни намёка на панику. Ни намёка на тревогу. Только солнце, соль на губах и странное, пугающее ощущение, что она наконец-то дома — хотя дом находился в тысяче шестистах милях отсюда.

Глава 6

Поцелуй случился на пятый вечер, на террасе бара отеля, под музыку живого квартета, играющего что-то среднее между боссановой и джазом.

Они танцевали — вернее, Дарио уговорил её танцевать, хотя Джейн клялась, что не танцевала со времён выпускного, — и в какой-то момент, когда музыка стихла между песнями, а его рука всё ещё лежала на её талии, он остановился и посмотрел на неё так, что у неё перехватило дыхание — на этот раз без всякого отношения к панике.

— Я думал об этом с первого дня, — сказал он тихо, наклоняясь ближе. — Можно?

Она не ответила словами. Она просто чуть приподнялась на носочки, сокращая последние сантиметры расстояния между ними.

Поцелуй был мягким, неспешным, будто у них было впереди всё время мира, а не пять дней и уже наступающий вечер. Его рука скользнула к её щеке, пальцы, огрубевшие от работы, оказались неожиданно нежными. Джейн почувствовала, как внутри неё что-то оттаивает — медленно, но необратимо, будто трёхлетний лёд наконец начал давать трещину под весенним солнцем.

— Джейн, — прошептал он, отстраняясь на несколько сантиметров, но не выпуская её из объятий, — я должен тебе кое-что сказать.

Сердце у неё сжалось — не от паники, а от предчувствия.

— Что? — спросила она.

Он молчал секунду дольше, чем следовало, и в этом молчании Джейн почувствовала первую тень сомнения.

— Ничего, — сказал он наконец, качая головой и снова улыбаясь той обезоруживающей улыбкой, которая заставляла её забыть обо всех разумных сомнениях. — Просто хотел сказать, что ты самая красивая женщина, которую я видел за последние годы. Вот и всё.

Она не поверила, что это было всё, что он хотел сказать. Но вечер был слишком хорош, музыка слишком мягкой, а его губы слишком близко, чтобы настаивать на правде именно сейчас.

Они танцевали ещё час, а потом гуляли по пляжу босиком, и Дарио рассказывал ей истории о Тоскане — о холмах, покрытых виноградниками, о бабушкином доме с оливковыми деревьями возрастом в двести лет, о том, как пахнет земля после летнего дождя в Кьянти.

— Ты так говоришь о доме, будто скучаешь по нему, — заметила Джейн.

— Всегда скучаю, — признался он. — Но здесь тоже есть на что смотреть, — добавил он, глядя на неё, и она снова покраснела, в третий или четвёртый раз за этот вечер, потеряв счёт.

Они попрощались у дверей её номера долгим поцелуем, но не более того — Дарио, к её тайному облегчению и тайному же разочарованию, вёл себя как джентльмен, и это заставило её ценить его ещё больше.

Уже засыпая, Джейн подумала: «Что он хотел сказать на террасе?»

Вопрос остался без ответа ещё на два дня.

Глава 7

Правда открылась случайно, как это обычно и бывает.

На шестой день, за день до предполагаемого отъезда — Джейн уже продлила бронь на неделю, сама удивляясь собственной смелости, — она спустилась в лобби отеля, чтобы обменять валюту, и увидела Дарио. Но не в форменной рубашке поло с логотипом отеля, а в тёмном, безупречно сидящем костюме, беседующего с управляющим отелем таким тоном, каким обычно разговаривают не сотрудники друг с другом, а начальник с подчинённым.

— Мистер Хартманн, — говорил управляющий, слегка кланяясь, — реконструкция западного крыла идёт по графику, как вы и требовали. Архитектор пришлёт финальные чертежи к пятнице.

— Хорошо, — отвечал Дарио — тот же голос, то же лицо, но интонация была другой: собранной, властной, лишённой той лёгкости, с которой он говорил с ней у бассейна. — Проверьте ещё раз систему кондиционирования в новых номерах. Я не хочу повторения истории, как в двести четвёртом.

Джейн стояла в стороне, оглушённая. Кровь отхлынула от лица, а потом прилила снова, горячей волной стыда и гнева.

Мистер Хартманн. Не работник службы обслуживания. Не «просто Дарио, который чинит кондиционеры». Кто-то, кому подчиняется управляющий отеля. Кто-то, чьё имя произносят с почтением.

Она развернулась, чтобы уйти незамеченной, но было поздно — он поднял взгляд и увидел её. На секунду в его глазах промелькнуло что-то похожее на панику — панику, которую Джейн знала слишком хорошо, чтобы не узнать её в чужих чертах.

— Джейн, — сказал он, шагнув в её сторону.

— Не надо, — сказала она тихо, чувствуя, как голос предательски дрожит. — Не сейчас.

Она почти побежала к лифту, и он не последовал за ней — то ли из уважения к её желанию, то ли потому, что рядом стоял управляющий, а сцена в лобби была последним, чего хотел бы «мистер Хартманн».

В номере она села на кровать и долго смотрела в одну точку, чувствуя, как знакомая тяжесть подкатывает к груди. На этот раз это была не паника. Это было что-то другое — предательство, обида, и, что хуже всего, стыд за собственную наивность.

«Он лгал тебе с первого дня, — сказал внутренний голос, холодный и безжалостный. — Каждое слово о том, что он «просто рабочий», было ложью. Ты позволила себе довериться, и вот что получила».

Через час раздался стук в дверь.

— Джейн, — голос Дарио звучал приглушённо через дерево. — Пожалуйста, дай мне объяснить.

Она долго не отвечала, но потом всё же встала и открыла дверь.

Он стоял в коридоре — уже без пиджака, с расстёгнутым воротником рубашки, будто снял с себя ту официальную оболочку, в которой она видела его в лобби, пытаясь вернуться к тому Дарио, которого она знала.

— Заходи, — сказала она наконец, отступая в сторону.

Глава 8

Он вошёл, остановился посреди комнаты, будто не зная, куда деть руки, — этот жест был настолько не похож на уверенного мужчину, которого она видела в лобби час назад, что Джейн на мгновение смягчилась.

— Дарио Хартманн, — сказала она, скрестив руки на груди. — Или как мне теперь тебя называть?

— Дарио — моё настоящее имя, — сказал он тихо. — Хартманн — тоже настоящая фамилия. Я не лгал тебе о том, кто я. Я просто не сказал всего.

— Это называется ложь по умолчанию, — заметила она резко. — Кто ты на самом деле? Владелец этого отеля?

— Совладелец строительной компании, которая реконструирует это здание, — сказал он. — «Хартманн Костружione». Мы строим и восстанавливаем отели, виллы, коммерческую недвижимость — в Италии, во Флориде, немного в Германии. Отель принадлежит не мне, но проект реконструкции — мой.

— И ты решил, что будет забавно притвориться работником по обслуживанию кондиционеров, — сказала Джейн, и в её голосе прозвучала горечь, которую она не пыталась скрыть.

— Не забавно, — возразил он, делая шаг ближе, но останавливаясь, когда увидел, как она напряглась. — Джейн, я приехал сюда, потому что что-то было не так с системой охлаждения в новом крыле — жалобы гостей, счета за электричество выше нормы, а мой инженер не мог найти причину неделями. Я решил проверить сам, инкогнито, потому что персонал ведёт себя иначе, когда знает, что рядом владелец компании. Люди начинают показывать то, что хотят показать, а не то, что есть на самом деле.

— И это объясняет форму техника? — спросила она.

— Это объясняет первый день, — сказал он, и в его голосе впервые прозвучала настоящая уязвимость. — А потом я встретил тебя. И я... — он замолчал, подбирая слова. — Я три года не чувствовал того, что почувствовал, когда ты открыла дверь номера. Я не хотел, чтобы это исчезло, как только ты узнаешь, кто я. Люди меняются, когда узнают о деньгах, Джейн. Я видел это слишком много раз.

— Значит, ты решил, что я — одна из тех, кто изменится, — сказала она тихо, и это ранило её больше, чем сам обман. — Ты не доверял мне.

Он молчал, и в этом молчании было признание.

— У меня был развод два года назад, — сказал он наконец. — Тяжёлый. Моя бывшая жена... она вышла за меня, когда я был просто сыном строительного подрядчика, а закончила тем, что интересовалась только тем, во что превратилась компания моего отца под моим руководством. К концу брака я перестал понимать, любит ли меня хоть кто-то за то, кто я есть, а не за то, что у меня есть.

Джейн почувствовала, как гнев в ней начинает уступать место чему-то более сложному — не прощению ещё, но пониманию.

— Это не оправдывает лжи, — сказала она всё же.

— Знаю, — сказал он просто. — И мне жаль. По-настоящему жаль, Джейн. Не за то, что я строительный магнат, а за то, что не сказал тебе правду раньше, когда понял, что это перестало быть игрой.

Она долго молчала, глядя на океан за окном, где солнце уже клонилось к закату, окрашивая воду в оранжево-розовые тона.

— Мне нужно время, — сказала она наконец. — Не для того, чтобы решить, простить тебя или нет. А чтобы понять, что из того, что было между нами эти пять дней, было настоящим, а что — просто удобной ролью.

— Всё было настоящим, — сказал он тихо, но не стал спорить дальше, не стал настаивать, а просто кивнул и вышел, оставив её одну с океаном за окном и мыслями, которые никак не хотели складываться в понятный порядок.

Глава 8А

(из воспоминаний Дарио)

Оставшись один в своих апартаментах в тот вечер, Дарио налил себе стакан виски, который так и не выпил, и позволил себе впервые за долгое время вернуться мыслями к тому, о чём предпочитал не думать: к пятнадцати годам брака с Валентиной, начавшимся с той же ослепляющей страсти, что он испытывал сейчас к Джейн, а закончившимся холодным, вежливым разводом в присутствии четырёх адвокатов.

Он познакомился с Валентиной двадцать два года назад на приёме в честь открытия нового отеля, спроектированного его отцом, — она была тогда двадцатидвухлетней дочерью миланского ювелира, ослепительной, остроумной, полной той уверенности в себе, которая происходит из принадлежности к миру, где красота и происхождение открывают все двери без усилий. Дарио, тогда двадцатипятилетний, только начинавший принимать дела у отца, влюбился мгновенно и безоговорочно, очарованный тем, с какой лёгкостью Валентина ориентировалась в мире, куда он сам ещё только пытался вписаться.

Первые годы брака были счастливыми — по-настоящему счастливыми, напомнил себе Дарио, отказываясь переписывать историю задним числом только потому, что она закончилась плохо. Валентина была умна, амбициозна, поддерживала его в первых, рискованных решениях по расширению компании за пределы Тосканы. Они путешествовали, принимали гостей, строили планы на будущее, казавшееся безоблачным.

Трещина появилась незаметно, как появляются все настоящие трещины, — не в результате одного драматического события, а в результате медленного, почти неуловимого смещения приоритетов. Компания росла, требуя от Дарио всё больше времени и энергии, а Валентина, чья собственная карьера в ювелирном деле развивалась медленнее, чем ей хотелось бы, начала находить утешение не в поддержке мужа, а в статусе, который давал ей брак с успешным предпринимателем.

— Ты заметил, — сказала она ему однажды, спустя восемь лет брака, во время ссоры, которая, оглядываясь назад, стала поворотным моментом, — что люди на приёмах теперь спрашивают не о моих украшениях, а о твоих новых проектах? Я перестала быть Валентиной. Я стала синьорой Хартманн, женой строительного магната.

Дарио тогда не понял глубины этой обиды, списав её на минутное раздражение, но семя, посаженное в тот вечер, продолжало прорастать в последующие годы, превращая брак в своеобразное соревнование за внимание и признание, в котором оба супруга, вместо того чтобы поддерживать друг друга, начали соперничать за то, чьи достижения важнее.

Развод, наступивший после четырнадцати лет такого медленного отдаления, был неизбежен, но от этого не менее болезнен — особенно последний год, полный взаимных обвинений и юридических баталий за раздел имущества, в течение которого Дарио, к собственному ужасу, обнаружил, что человек, которого он когда-то безоговорочно любил, теперь видит в нём лишь источник финансовой компенсации за годы, «потраченные» на брак, который не принёс ей желаемого статуса независимой от мужа личности.

— Ты никогда не любил меня по-настоящему, — сказала Валентина в их последнем откровенном разговоре перед окончательным разводом. — Ты любил идею идеальной жены рядом с успешным бизнесменом. А я любила идею статуса, который ты мог мне дать. Мы оба обманывали друг друга с самого начала, Дарио. Просто не признавали этого вслух.

Эти слова, произнесённые с горечью, но, как позже признал сам Дарио, содержавшие в себе долю правды, преследовали его на протяжении всего периода после развода, заставляя сомневаться в собственной способности любить кого-либо по-настоящему, а не просто проектировать на партнёра удобный образ, соответствующий собственным потребностям.

Именно этот страх — страх повторить ту же ошибку, полюбить не человека, а удобный образ, — заставлял его особенно ценить то, что он почувствовал к Джейн в первую неделю их знакомства в Майами: не ослепляющую страсть узнавания родственной души в блистательном светском обществе, а тихое, растущее восхищение перед человеком, который справлялся с собственными демонами с достоинством и без позы, перед женщиной, которая полюбила его — или так ему казалось — не за статус или деньги, а за то, каким он был, когда чинил кондиционеры под палящим флоридским солнцем.

«Не разрушь это своей ложью, — сказал он себе тогда, глядя на закрытую дверь номера Джейн. — Не повтори ту же ошибку дважды».

Он не знал в тот вечер, простит ли она его. Но знал одно: что бы ни случилось дальше, урок, вынесенный из брака с Валентиной, будет определять его действия — быть до конца честным, даже когда честность неудобна, даже когда правда рискует разрушить то, что только начало строиться.

Глава 9

Джейн не спала почти всю ночь. Она то злилась на себя за наивность, то злилась на него за обман, то — и это пугало её больше всего остального — ловила себя на том, что скучает по его смеху, по его руке на своей талии во время танца, по тому, как он говорил о Тоскане с таким теплом, что ей самой хотелось увидеть эти холмы.

Она позвонила сестре в три часа ночи по чикагскому времени, разбудив её, но сестра, услышав дрожь в голосе Джейн, не стала жаловаться, а просто слушала.

— Он соврал мне, Кейт, — говорила Джейн, сидя на балконе, завернувшись в плед, хотя ночь была тёплой. — Но он не соврал о том, кто он. Просто не сказал всего. Это разное, или это одно и то же?

— А что тебе подсказывает сердце? — спросила Кейт, и в этом вопросе было что-то от их покойной матери, которая всегда задавала именно такие вопросы, вместо того чтобы давать советы.

— Сердце подсказывает, что я хочу увидеть его снова, — призналась Джейн. — А голова говорит, что это безумие — влюбляться в мужчину, которого знаешь пять дней, а потом узнаёшь, что он совсем не тот, за кого себя выдавал.

— Ты не влюбилась в его работу, Джейн, — сказала Кейт мягко. — Ты влюбилась в то, как он на тебя смотрел. Это ведь не изменилось от того, что у него оказался бизнес вместо ящика с инструментами.

Слова сестры остались с ней до утра, крутятся в голове, как навязчивая мелодия.

Утром, спустившись к завтраку, она увидела на своём столике одну белую розу — не букет, а именно одну, аккуратно перевязанную тонкой лентой, — и записку, написанную стремительным, неровным почерком:

«Я не прошу простить меня. Я прошу только шанс показать тебе, кто я на самом деле — не работник, не бизнесмен, а просто мужчина, который не может перестать думать о твоём смехе. Если ты согласна, я буду сегодня вечером на нашем пляже, том, что за мангровыми зарослями. Если не придёшь — я пойму и не потревожу тебя больше. Д.»

Джейн держала записку весь день, перечитывая её между делами — на пляже, у бассейна, во время обеда в одиночестве, — и чем дольше она думала, тем яснее понимала, что сестра была права.

Она не влюбилась в человека, который умеет чинить кондиционеры. Она влюбилась в то, как он умел слушать, как он замечал, что ей нравится смотреть на закат именно с определённого угла, как он ни разу — ни разу за пять дней — не заставил её почувствовать себя странной из-за того, что она нервничала в людных местах, хотя она никогда прямо не говорила ему о панических атаках.

Вечером, когда солнце начало клониться к горизонту, Джейн надела лёгкое платье цвета морской волны и пошла по узкой тропинке через мангровые заросли.

Глава 10

Он ждал её на песке, сидя спиной к воде, и, увидев её силуэт на тропинке, поднялся так резко, что чуть не потерял равновесие — жест настолько не соответствующий образу уверенного бизнесмена из лобби отеля, что у Джейн внутри что-то смягчилось окончательно.

— Ты пришла, — сказал он, и в его голосе было столько неприкрытого облегчения, что она не смогла сдержать улыбку.

— Я пришла, — подтвердила она, подходя ближе. — Но у меня есть условия.

— Какие угодно, — сказал он серьёзно.

— Больше никакой лжи. Никаких недосказанностей, никаких «я просто не сказал всего». Если ты собираешься быть частью моей жизни хотя бы ещё на два дня, что у меня остались здесь, я хочу знать, с кем имею дело.

— Согласен, — сказал он без колебаний. — Полная прозрачность. Спрашивай что угодно.

Она села на песок, и он опустился рядом, оставив между ними уважительное расстояние — расстояние, которое, впрочем, быстро сократилось, когда разговор потёк свободно, без масок.

Он рассказал ей всё: о том, как в двадцать три года унаследовал небольшую строительную фирму отца в Тоскане и превратил её за пятнадцать лет в международную компанию с проектами в трёх странах. О браке с Валентиной, о котором он говорил скупно, но достаточно, чтобы Джейн поняла глубину пережитой боли. О том, что после развода он взял привычку иногда работать «инкогнито» на своих объектах — не только чтобы проверить качество работы персонала, но и потому что в такие моменты он чувствовал себя проще, честнее, ближе к тому мальчику из Тосканы, который когда-то мечтал строить дома, а не управлять империей.

— А ты? — спросил он, когда закончил свою историю. — Что ты не рассказала мне за эти пять дней?

Джейн долго молчала, глядя на волны, а потом, собравшись с духом, рассказала о панических атаках. О переговорной, из которой она вышла молча три года назад. О том, как боится не самой паники, а того, что она случится на людях. О том, что этот отпуск был для неё почти актом отчаянной смелости.

Он слушал не перебивая, и когда она закончила, не стал говорить банальностей вроде «всё будет хорошо» или «тебе нужно просто расслабиться» — тех фраз, которые Джейн слышала слишком часто от людей, не понимающих природу тревоги.

— Спасибо, что рассказала, — сказал он просто. — Теперь я понимаю, почему в первый вечер, когда я увидел тебя на балконе, ты выглядела так, будто только что пережила бурю.

— Ты видел это? — спросила она, удивлённая.

— Я работал на крыше соседнего корпуса, — признался он. — Я не знал, что происходит, но видел, что тебе плохо, а потом увидел, как ты медленно пришла в себя. Я подумал тогда: вот женщина, которая справляется со своими бурями в одиночку. Это произвело на меня впечатление больше, чем ты можешь представить.

Джейн почувствовала, как к глазам подступают слёзы — не от грусти, а от невероятного, почти болезненного облегчения оттого, что кто-то видел её худший момент и не отвернулся, а, наоборот, восхитился.

Он осторожно взял её за руку, и в этот раз она не отстранилась.

— Я знаю, что мы знакомы всего шесть дней, — сказал он. — И я знаю, что доверие, которое я разрушил один раз, нужно заслуживать заново. Но я хочу попробовать, Джейн. Хочу узнать, куда это может привести, если мы дадим этому шанс.

— Это безумие, — прошептала она.

— Самые лучшие вещи в жизни обычно им и являются, — ответил он, наклоняясь ближе.

На этот раз, когда их губы встретились, в поцелуе не было ни капли той осторожности, что была раньше, — только облегчение двух людей, решивших довериться друг другу вопреки всякому здравому смыслу.

Они лежали на тёплом песке ещё долго после заката, и когда его руки скользнули по её плечам, а её пальцы зарылись в его тёмные волосы, никто из них уже не думал о разумности происходящего.

Ночь была тёплой, океан шептал что-то на своём древнем языке, а звёзды над Флоридой казались ближе, чем когда-либо в жизни Джейн Эмилинг из Чикаго — женщины, которая приехала в отпуск бороться со своими страхами, а нашла на пляже, скрытом за мангровыми зарослями, что-то, чему даже не знала названия.

Их близость в ту ночь была неспешной и бережной — будто оба они, каждый по-своему обожжённый прошлым, заново учились доверию через прикосновения. Не было слов о вечности, не было клятв — только тепло его ладоней, скользящих по её коже, будто он читал по ней карту, которую хотел изучить всю жизнь, и её собственная смелость, удивлявшая её саму, когда она позволила себе быть увиденной — полностью, без брони, без объяснений и извинений за собственное тело и собственный страх. Прибой ритмично набегал на песок в такт их дыханию, а когда всё закончилось, они долго лежали, переплетя пальцы, глядя на звёзды, и Джейн подумала, что, возможно, впервые за три года её тело чувствует себя не полем боя, а просто домом.

Глава 11

Следующие два дня — все, что оставались у Джейн до вылета обратно в Чикаго, — пролетели с той особенной, лихорадочной скоростью, с какой проходит время, когда знаешь его конечность.

Дарио, оказалось, взял небольшой отпуск от собственной компании — привилегия, доступная только тому, кто сам себе начальник, — и посвятил эти два дня целиком ей. Они катались на арендованной яхте вдоль побережья, и Дарио, стоя за штурвалом с уверенностью человека, выросшего у моря, рассказывал ей о разнице между итальянским и немецким подходом к жизни — «итальянец скажет тебе, что любит тебя, ещё до завтрака; немец сначала составит план, как сделать эту любовь эффективной», — заставляя её смеяться так, что у неё сводило живот.

Они ужинали в маленьком кубинском ресторанчике, о котором не знали туристы, и Дарио на ломаном испанском заказывал блюда, которых не было в меню, чем приводил хозяина заведения в восторг.

— Ты, кажется, знаком с половиной Майами, — заметила Джейн, когда очередной знакомый Дарио — на этот раз владелец галереи на соседней улице — подошёл поприветствовать его как старого друга.

— Я строю здесь уже восемь лет, — пояснил он. — Когда строишь для города, начинаешь понимать его изнутри, а не только с фасада для туристов.

В один из вечеров он привёз её на строительную площадку — тот самый проект реконструкции западного крыла отеля, который свёл их вместе, — и, надев ей на голову защитную каску, провёл экскурсию с гордостью ребёнка, показывающего построенный им замок из песка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.